

АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ

Из литературной жизни второй половины 1940-х годов*

Борис Лунин — мой редактор в Детгизе — писал для журнала «Октябрь» работу о Чернышевском, называлась она, кажется, «Виллюйский узник». Но все журналы охотились тогда за сочинениями на «производственную» тему. Лунин сказал в редакции, что некий Анатолий Рыбаков, автор повести «Кортик», пишет роман о шоферах и это может быть интересным — автор по профессии автомобилист.

Прихожу как-то к маме, она говорит:

— Звонили из журнала «Октябрь», оставили телефон, просили позвонить.

Звоню в «Октябрь», представляюсь заведующей прозой Ольге Михайловне Румянцевой, она передает разговор с Луниным и просит принести роман.

— Он у меня еще в работе, написана только первая часть.

— Неважно, приносите, читаем, может быть, договоримся о чем-либо.

Редакция журнала «Октябрь» помещалась тогда в здании газеты «Правда», я привез рукопись, отдал ее Румянцевой, милой, пожилой женщине. Как я потом узнал, она — давний член партии, работала в секретариате Ленина машинисткой, была тогда молоденькой, хорошенькой, Владимир Ильич как-то после работы проводил ее и в дом зашел — повидаться с родителями, своими давними знакомыми, старыми большевиками Румянцевыми. После этого Надежда Константиновна Крупская, тоже давняя знакомая Румянцевых, вы проводила их дочь на учебу... За другим столом в комнате сидела заведующая отделом науки, немолодая грузная женщина, с почему-то знакомым лицом. Оказалось, родная сестра сталинского помощника А. А. Жданова. Вот в такой именитый кабинет попала моя рукопись.

* Впервые: Рыбаков А. Н. Роман-воспоминание. М., 1997. С. 151–160.

В мае или июне мама встречает меня словами:

— Где ты пропал? Три дня названивают из «Октября».

Звоню Румянцевой.

— Господи! Ищем вас повсюду. Приезжайте немедленно на редколлегию.

За громадным столом, уставленным телефонами, восседал главный редактор журнала Федор Иванович Панферов, мрачноватый мужик при галстуке, с лохматыми бровями, хмуро, насупившись, смотрел исподлобья. За столом, приставленным к главному столу, чинно сидели члены редколлегии: Первенцев, Полевой, Ильенков, Санников, еще кто-то, на стульях вдоль стен кабинета замерли рядовые сотрудники.

Румянцева представила меня. Панферов еще больше насупился.

— Приходится вас разыскивать! Не мы вас, а вы нас должны ждать.

— Как только мне сообщили о редколлегии, я тут же явился.

— Решаются твоя судьба, судьба твоего романа, а ты разгуливаешь.

— Не буду теперь отходить от телефона, — кротко ответил я.

Все сидели по-прежнему чинно, только Полевой скосил на меня глаза.

— Прочитали мы твой роман, общее мнение: надо печатать. И замечание у всех одно: у тебя снабженец — Вербицкий. Зачем?

— Что зачем?

— Зачем тебе нужна еврейская фамилия?

— Нельзя писать о евреях?

— Можно. Но он у тебя жулик. Критики обвинят тебя в антисемитизме.

— Не обвинят. Я сам еврей.

Он на мгновение запнулся, потом неожиданно спокойно сказал:

— Свои же тебя и слопают. Был бы он положительный герой — пожалуйста! А отрицательный персонаж — еврей, этого мы не допустим.

— Вербицкий... Такая фамилия может быть у еврея, у поляка, у русского. Писательница была Вербицкая.

— Не беспокойся, они поймут, как им надо. Почему Вербицкий? Почему не Вербов, Вербиков или, скажем, Вертилин. Как хорошо! Жулик, снабженец — Вертилин!

— Слишком прозрачный намек. Близо лежит.

— А у Гоголя: Чичиков, Собакевич, Ноздрев — это не намек, не близо лежит?

— Хорошо, пусть будет Вертилин.

— Молодец! Так и надо принимать замечания редакции. Ставим в январский номер.

— В январский?! У меня написана только первая часть.

— Дописывай.

— Когда я должен все сдать?

Он посмотрел в график:

— Январский... Январский номер сдаем к ноябрю. Надо будет еще почитать. В октябре приноси.

— Я не могу за полгода дописать две трети романа.

— Допишешь, допишешь! Твоим романом открываем год. Анатолий! Ты понимаешь, что такое напечататься в «Октябре», старейшем российском журнале?!

— Но я не успею.

— Успеешь, успеешь! Подпишем договор, получишь аванс, выпьешь рюмку, как положено писателю, и сядешь работать.

Я подписал договор. Напечататься в «Октябре» — представится ли мне когда-нибудь еще такая возможность? Смел ли я мечтать о такой удаче? И аванс! Денег нет, полученный в Детгизе гонорар попал под обмен денежных знаков. Погорел я тогда...

Недели три спустя, в очередной выплатной день, явился в бухгалтерию «Правды» за авансом. Денег — полный портфель. Выдавая аванс, кассирша сказала:

— Звонили из «Октября», просили вас зайти.

Поднимаюсь на четвертый этаж, вхожу в кабинет к Панферову. Он сидит за своим громадным столом с телефонами. Как и в прошлый раз, смотрит насупившись, грозно, по-партийному, по-кремлевски, воплощает в себе не личность, а инстанцию. Однако не получается. Конечно, в литературе он был инстанцией, весьма значительной — главный редактор журнала. Но был и личностью, не слишком, может быть, значительной, но своеобразной, колоритной, очень характерной для того времени. Деревенский парень, не лишенный способностей, малообразованный, испробовал в свое время перо как «селькор» — сельский корреспондент в провинциальной газете. Напечатали. После этого он уже пера из рук не выпускал, обуяла страсть к сочинительству, вдохновлял пример «великого босняка» Горького, поощряли всякого рода призывы рабочих и крестьян в литературу. Написал роман — его расхвалили «за тему», он тут же следующий, занял квартиру в Лаврушинском переулке, дачу на Николиной горе, жену-красавицу, к тому же писательницу — Антонину Коптяеву, стал секретарем Союза писателей, депутатом Верховного Совета — словом, весь антураж. И старался держаться соответственно. Людей принимал по строго разработанному ритуалу.

Неудобных к нему не допускали. Я помню, как обреченно расхаживал по коридору один весьма известный критик, постоянный со-

трудник «Октября», но чем-то Панферову не угодивший. Этого было велено «гнать в шею».

Автор никому не известный, еще не прочитанный, допускался не дальше дверей. Так со стоящим в дверях Панферов с ним и разговаривал. «Почитаем, ответ получите в отделе».

Следующий разряд — жест, приглашающий присесть. Значит, есть шанс на публикацию: кто-то автора рекомендовал, и он уходил обнадеженный.

Но если вслед за приглашением сесть автору протягивалась пачка папирос «Друг» с нарисованной на коробке собакой, это значило, что его напечатают, он друг журнала.

В этом смысле название папирос было символично.

Этими вариантами церемониал не исчерпывался. Было еще два.

Из ящика стола Панферов вынимал бутылку водки, наливал автору полстакана, подвигал блюдечко с печеньем:

— Выпей за успех.

Значит, ты не только автор и друг, но еще «человек журнала “Октябрь”», «свой», «наш» человек, мы тебе доверяем и будем поддерживать.

И наконец, наивысший разряд.

Голицына (секретарь) приносила из буфета большую тарелку сосисок, две тарелочки, горчицу, хлеб, боржом. И вы с Панферовым распивали бутылку водки. Теперь все! Ты войдешь в состав редколлегии, будешь представлен на соискание Сталинской премии, Панферов выхлопочет тебе квартиру, дачу в Переделкине и на ближайшем съезде писателей выдвинет твою кандидатуру в члены правления.

Вот по этому высшему разряду Панферов меня и принял. Чем я так ему понравился, не знаю.

Привычным ударом дна о ладонь Панферов вышиб пробку из бутылки, мы с ним ее и выпили. Он был выпивоха, и я умел пить, он пьянел, я — нет, сосисок навалом, я хорошо закусил. Панферов почти не ел, рассуждал:

— Кончишь этот роман, сразу начинай другой, тему я тебе даю, как Пушкин Гоголю. Слыхал об этом?

— Конечно, «Мертвые души».

— Молодец, знаешь историю литературы. Мне говорили: простой шофер, то да се, язык ведь без костей. Значит, только тебе, как Пушкин Гоголю. Слушай. Во время войны эвакуировали из Москвы завод в Казахстан. Оборонный завод! Прямо в степь, под открытое небо. И что ты думаешь? Поставили люди станки в степи и начали работать. Пока возводили стены, крышу, они боеприпасы выпускали для фронта. Понимаешь, что за люди были! Какой материал для писателя! Почему не записываешь?

— Я все запомню.

— Запомнишь? Детали! Самое главное в художественном произведении — детали! Кто умел писать детали? А?

— Толстой, думаю.

— Молодец, Анатолий, правильно! И вот я тебе, как Гоголь Толстому, сюжет отдам. Командировку выпишем, поезжай, посмотри, с людьми поговори...

Захмелел, путались мысли, но продолжал рассуждать:

— В холод, снег, вьюгу... А работали. Кто работал? Женщины наши... Великая русская женщина... Коня на скаку остановит... Все при ней! Как у Рубенса. Рубенса знаешь?

— Знаю.

— Видел у Рубенса женщину? Сразу видно, для чего она создана, — детей рожать! Все при ней! И здесь, и там, всюду, где полагается, есть за что ухватиться. Ядреных баб писал Рубенс, понимал, разбирался...

Его монолог прервала возникшая в дверях Голицына:

— Федор Иванович, возьмите трубочку по внутреннему.

С одного из телефонов Панферов снял трубку:

— Алло!.. Приехала... Ладно... Сейчас спущусь... Жди... — Положил трубку. — Жена явилась, ждет внизу. Собирайся, поедем ко мне на дачу.

Ехать к нему на дачу... У меня портфель полон денег.

— Неудобно, Федор Иванович, поздно.

— Что поздно? Переночуешь на свежем воздухе. Завтра со мной в Москву вернешься.

— Я не знаком с вашей женой.

— Познакомишься...

Рядом с шофером сидела Антонина Коптяева, моложавая, с несколько необычным бурятским лицом. Мы с Панферовым уселись сзади. Он был чем-то недоволен, что-то ей выговаривал, она не отвечала, ни разу не оглянулась.

— Видал? Как об стенку горох. Муж рюмку выпил. А какой мужчина не пьет, это глиста, а не мужчина. По-умному, видишь ли, разговаривает, интеллигент! Нет, ты напиши! Не какой-то там фельетон-клеветон, ты роман напиши! Рассуждать легко, это они умеют, критиканы! За это и нравятся нашим барынькам.

Коптяева по-прежнему сидела молча. В чем упрекал ее Панферов, каких интеллигентов-критиканов имел в виду, я не понял.

Большая дача, на фронтоном вырезанные из дерева аршинные буквы: «АНТОША» — в честь Антонины Коптяевой. Стены внутри увешаны картинами — в основном «передвижники», старинная мебель — богатый дом.

На столе бутылка водки, на закуску горячие беляши. Панферов ел с аппетитом, я мало — наелся сосисок в редакции. Как и в машине, Панферов продолжал ругать критиков, рассказывал: пишет о них пьесу, герой — критик Ермилов.

— Я его приложу, перевертыша... И нашим и вашим... Имя и фамилию ему придумал — Ермил Шилов. А? Все догадаются. И не дерешься, на личности не перехожу. Ермил Шилов — ищите, кто такой! В художественном произведении, Анатолий, имя герою надо выбирать звонкое, чтобы запоминался. Вот у Пушкина — Онегин, откуда такая фамилия? Река Онега. Ленский — река Лена. Чувствуешь?!

Постелили мне в небольшой комнате для гостей. Намаялся я за этот день, заснул мгновенно.

Разбудил меня Панферов часов в семь.

— Вставай, умывайся.

Позавтракали. Подавала прислуга. Коптяева к завтраку не вышла. У крыльца уже стояла машина. Сели. Проехали метров пятьсот. Стоп! Выходи!

Возле большого пустыря нас ожидал человек на длинных журавлиных ногах, в выцветшей, с орденскими планками гимнастерке. Панферов нас познакомил:

— Председатель поселкового совета, большая сила. Анатолий Рыбаков — знаменитый писатель. — Обвел рукой пустырь. — Видишь, Анатолий, этот участок будет твой. Съездишь в Калужскую область, дома там дешевые, срубы хорошие, калужские — они испокон веку плотники, купишь пятистенок, привезешь, поставишь тут дом, дачу займешь, будем соседями.

— Федор Иванович! Мне нужно заканчивать роман. Когда строгаться?

— Роман — романом, дом — домом. Бери, не зевай, потом поздно будет.

— Пока не кончу роман, ни о какой даче не может быть и речи.

— Ах, так, Господа Бога, Христа... — он длинно и витиевато выругался. — Тут министры не могут участок получить, министры! Из писателей я здесь один, вот еще Михалков втерся, этот куда хочешь просунется. А ты кто? Ноль без палочки. Я из тебя человека делаю, а ты брыкаешься.

Только что представил меня знаменитым писателем, а теперь ноль без палочки. Забавный человек и ведь добра мне хочет, покровительствует. Но для меня сейчас главное и единственное — роман.

— Пока не кончу роман, ничем другим заниматься не буду.

— Ну и хрен с тобой!

Сел в машину и уехал. И председатель поселкового совета ушел. А я остался. Стою один на дороге, автобусы сюда не ходят, железной дороги нет. Как добраться до Москвы? Добрался, конечно.

В сентябре я сдал вторую часть рукописи, в декабре — третью. Роман начали печатать в январе, открыли им год. Об инциденте на Николиной горе Панферов не вспоминал. Отстоял мне в Союзе писателей квартиру, потом и дачу в Переделкине, рекомендовал в члены редколлегии «Октября», выдвинул роман на Сталинскую премию и в драматической истории ее получения вел себя достойно. После публикации «Водителей» я в журнал не ходил, вокруг него вертелись не те люди: Бубеннов, Первенцев, Бабаевский.

Как-то встретил меня Панферов в Союзе писателей:

— Почему в журнал не заходишь?

— Работы много.

— Какой занятой! Слышал, роман пишешь... Много написал?

— Только первую часть.

— Принеси. Договор подпишем, аванс дадим. Ты теперь богатый, и все равно с авансом надежнее.

Я передал Румянцевой первую часть романа. Вскоре меня вызвали к Панферову. Не хотел идти, предчувствовал недоброе. Панферов опубликовал тогда первую книгу своего романа «Волга матушка-река». Вещь графоманская. Я опасался, что он заведет о ней речь. Но Румянцева настаивала, пришлось идти.

Панферов опасливо покосился на дверь, вытащил из ящика бутылку водки:

— Выпьешь? Только один. Мне врачи запретили. Антонина лютует, развела тут вокруг меня разведку.

— Тогда и мне не надо.

Он спрятал бутылку в стол, вынул мою рукопись.

— Прочитали мы... Получится роман, поздравляю, как допишешь, будем печатать. И название хорошее: «Одинокая женщина». Молодец! Сразу берешь быка за рога. А пока договор подпишем. Сколько у тебя будет листов?

— Листов двадцать пять.

Он вызвал Голицыну, приказал приготовить договор со мной на роман «Одинокая женщина», объем 30 листов, гонорар — 4000 рублей за лист. Быстренько!

— Есть! — Голицына скрылась за дверью.

Панферов смотрел на меня благодушно, улыбаясь, подписал договор на незаконченный роман, дал высшую «лауреатскую» ставку — 4000 рублей и не за 25 листов, как я сам назвал, а за 30 — аванс будет больше.

— Читал мой роман?

- Читал.
- И как?
- Первая книга... Надо до конца дочитать.
- Ишь ты какой! — он недобро усмехнулся. — Твой роман я тоже не до конца дочитал, договор подписываю — оценил тебя, а ты, видишь ли, конца дожидаясь!
- Вещь читается, роман, я думаю, получится.
- Ах, значит, романа еще нет, еще только «думаю, получится»... Что же тебя там не устраивает? Говори прямо, по-писательски!
- Один сюжетный ход неубедительный.
- Он насупился, насторожился.
- Я продолжал:
- В романе написано: в Прикаспии гибнут овцы, положение в области отчаянное. Туда срочно посылают нового секретаря обкома. Казалось бы, он должен вылететь первым же самолетом, а он садится в Химках на теплоход и спокойно плывет по Волге две недели. Так ведь? А овцы тем временем гибнут. Читатель этому секретарю не поверит. На твоём месте я бы сразу отправил его на самолете.
- Он сидел все так же, набычившись, потом с горечью сказал:
- Да, вам этого не понять.
- Кому это вам?
- Вам не понять, — повторил он, — в этой поездке я показываю читателю Волгу. Нашу Волгу, великую русскую реку, дорогую каждому русскому человеку, матушку нашу Волгу, кормилицу, а вам, конечно, не понять.
- Кому это вам? — переспросил я.
- Он нажал на звонок, рявкнул секретарше:
- Договор! Где договор?!
- Сейчас, сейчас, Федор Иванович, — заторопилась та.
- Так кому это вам? — снова спросил я.
- Вам, инородцам!
- Ах так... Мало того, что ты графоман, ты еще и антисемит. Значит, правду о тебе говорят.
- Он опять нажал кнопку звонка:
- Договор! Договор! Я вам сказал!
- Сейчас, сейчас, Федор Иванович.
- Несите договор, черт возьми!
- Сейчас, минуточку, Федор Иванович.
- Он застучал кулаком по столу.
- Договор, я вам сказал! Сейчас же договор!
- Наконец Голицына положила перед ним договор. Он схватил его и, не глядя, разорвал и бросил в корзину.
- Со шпионами договоров не заключаю.

— Что, что?

— Ты же спал со шпионкой, с Анной Луизой Стронг, вот с кем ты спал!

Я в жизни своей не видел Анны Луизы Стронг, читал в газете, что она объявлена шпионкой. Что ему взбрело в голову?!

— Дурак ты! — сказал я на прощание.